

НА РЫНКЕ СМИ

Это издание уникальное во многих смыслах. Его называют русско-американским, но это верно лишь в том смысле, что рождается оно сейчас одновременно в Нью-Йорке и в Москве, читают же его и во Франции, и в Израиле, и в Германии, и в любой стране, где создалась русскоговорящая община. Его официальный подзаголовок — «Демократический журнал литературы и общественных проблем».

А возник он и существует четверть века благодаря тому, что такая идея родилась в голове фельетониста Виктора Перельмана, с которым мы когда-то одновременно начали подвизаться в «Труде» на ниве сатиры и юмора под доброжелательной эгидой никогда не унывающего Вячека Сысоева, земля ему пухом. Каким образом нормальный советский сатирик и член КПСС стал диссидентом и эмигрантом, об этом он написал толстую автобиографическую книгу. В ней же подробно и с юмором рассказано и о том, как Виктор сумел осуществить свою идею насчет журнала, что оказалось совсем не так просто в условиях свободного предпринимательства, как ему представлялось.

Впрочем, обо всем этом, конечно, будут вспоминать и сам он, и его друзья-собратья на юбилейном вечере «Время и мы» в Центральном доме литератора 29 января. Я же, пользуясь тем, что первым получаю доступ к редактору-юбиляру, задал ему несколько вопросов. А перед этим мы, конечно, помянули добрым словом ушедших из жизни трудовцев послевоен-

ного поколения, с которыми нам довелось работать.

— Ну вот, Виктор Борисович, и сам ты несколько повзрослел, и у журнала твоего — достаточно значительная дата. И титул у тебя — Издатель и Главный редактор. Осуществилась твоя главная мечта в жизни?

— Как всякий настоящий фельетонист по натуре-то я нытик и мрачная личность. Мне, как в той пушкинской сказке, всегда чего-то не хватает.

— Чего же тебе надобно, старче?

— Чтобы по-настоящему наладилось печатание в Москве, чтобы по-настоящему заработала московская половина редколлегии, чтобы российские СМИ побольше уделяли нам внимания. Верно, однажды мы попали в историю — в прямом смысле, но это, скорее, не наша заслуга, а Солженицына. Впервые «Время и мы» оказался на московских прилавках как раз накануне возвращения Александра Исаевича. И вот в номере одной из столичных газет, целиком посвященному этому событию, отыскался уголок и для нас — под

ПО-РУССКИ — НА ВЕСЬ МИР**ЖУРНАЛУ «ВРЕМЯ И МЫ» ИСПОЛНИЛАСЬ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА**

заголовком «Еще один возвращенец».

— А все-таки кто первым поддержал журнал тогда, в 1975 году?

— Предупреждаю: никаких смешочков. Это был КГБ. Да-с.

— ???

— А вот представь себе: Тель-Авив, самый первый, трехтысячный тираж, и полная неизвестность, что с ним делать в этом «свободном мире». Сидим, грустно смотрим друг на друга, и вдруг открывается дверь и появляется странная фигура, которая просит называть его, «например, Рабиновичем», и при этом заявляет, что хочет подписаться сразу на 8 номеров. Причем на московские адреса. Сумасшедший? Но он спокойно выкладывает деньги и говорит, что его «культурные друзья в Москве на литературу денег не жалеют». Тут до нас наконец дошло: «длинная рука Москвы». Но она, хотела того или нет, оказалась для нас легкой: пошел и этот тираж, и за ним другие. Так что это пусть другие жалуются на «зверства ЧК». А вообще все, по правде говоря, было непросто, наше 25-летие — это сплошная борьба за выживание.

— Но выжили все-таки! Тогда, в 50-е, ты мог себе представить, что будешь издавать и продавать такой журнал в столице первого социалистического государства? Скажи лучше, кто был в твоём активе эти годы? Помимо москвичей, я имею в виду Засурского, Аннинского, Жуховицкого, Агафонова...

— Виктор Некрасов, Наум Коржавин, Галич, Лидия Чуковская, Виктор Корчной, Артур Кестлер, Иванов-Разумник, Мария Михайловна Иоффе, секретарь Троцкого, которой он перед изгнанием передал свое политическое завещание. Разве всех хотя бы приблизительно перечислишь? Это все-таки 146 номеров, более двух тысяч авторов.

— Ты что-то пропустил Сергея Довлатова. Забыл?

— Его забудешь... Человек-гора, я раньше и не знал, что бывают такие большие люди. Между прочим, он еще с дороги, из Вены, написал мне отчаянное письмо: ради Бога, возьми в свой журнал хоть сторожем, хоть уборщиком, я без редак-

ции жить не могу. А потом пошли одно за другим: «Соло на «Ундервуде», «Купцов и другие», «В гору»... Но остряк был — ради красного словца не пожалел бы ни матери, ни отца, это все знали и на Серёжу всерьёз не обижались. Это он ведь, где-то выступая, пустил крылатую фразу: «Странная штука это «Время и мы»: прозы нет, поэзии нет, публицистики нет — а журнал хороший».

— Довлатов был хитрый восточный человек: знал, что запоминаются только два последних слова.

— Может быть, ты и прав. Во всяком случае, люди часто говорят мне: ах, это вы тот самый — ничего нет, а журнал хороший?

— И голосуют — кто долларом, кто маркой, кто франком, кто шекелем, кто рублем?

— Не сглазить бы...

Беседу вел
Виссарион ИВАНОВ,
соб. корр. «Труда».

ВАШИНГТОН.